

Всё утро Андрейка куксился и похныкивал. Хныканье обрывалось на той неопределённой ноте, после которой неминуемо должен был следовать рёв. Но Андрейка вдруг затихал и какое-то время лежал, беззвучно помахивая кулачками. Потом его маленький подбородок начинал подрагивать, личико съёживалось и хныканье возобновлялось.

Услышав, как сын заходит на новый круг, Санька закусил губу и водрузила на гладильную доску ворох пелёнок, распашонок и ползунков.

– Я справлюсь, – сказала она себе, – справлюсь! Всего каких-то три дня.

Эта трёхдневная командировка возникла неожиданно. Вадим успел только заскочить домой, наскоро собрать вещи. Санька растерянно кивала на его слова: да-да-да, продукты, лекарства, телефоны. А перед выходом вжалась в него вся, обхватила руками, зарылась лицом в шарф на его шее и долго стояла, прислушиваясь к дыханию.

– Папа уехал, а ты буянишь! Приедет, спросит: «Как тут вёл себя мой Андрейка?» Что я ему скажу? – Санька закончила с распашонками и принялась за пелёнки.

Андрейка, внимательно выслушав её, опять скуксился.

– Ну что, что тебе неймётся? – должно было прозвучать строго, но вышло жалобно и тоскливо. Санька выключила утюг, вынула сына из кроватки, пробежала губами по лицу, прижала к себе и вздохнула.

– Скучаешь по папе? И я тоже скучаю! – она вдруг всхлипнула. Ребёнок, откликаясь на её настроение, снова захныкал. И Санька заговорила торопливо и нарочито бодро: – А пойдём-ка прогуляемся по дому, раз на улицу не пошли. Ай, какой дождик, помешал Андрейке гулять!

Но и путешествовать по квартире Андрейке скоро наскучило. Гладкие светлые, почти белые стены, тёмные полы. Ничего лишнего, ничего пёстрого, никаких ярких пятен, кроме недоглаженных ползунков и погремушки на полу у кроватки – минимализм и функциональность, как любит Вадим.

Пусто и холодно. Без Вадима здесь всегда холодно.

Санька остановилась у окна, выглянула во двор, но теплее не стало. С самого утра было пасмурно, а ближе к обеду и вовсе закапал дождик, первый в этом году. Деревья стояли голые, с набухающими почками. Восточный ветер проходил сквозь ветки, как сквозь зубья расчёски, и уже приглаженный, но не усмирённый, кидался на окна. Санька поёжилась, отошла от окна.

Андрейка, успокоившийся было на руках, снова захныкал.

– Ну хорошо! Знаю я одно средство. Только чур, папе не говорить.

Санька прошла в зал, забралась в угол дивана, пристроила на руках Андрейку и взяла пульт от телевизора.

Вадим телевизор почти не смотрел и не любил, когда Санька включала при нём.

– Зачем тебе этот дурацкий ящик? У тебя есть мы: я и Андрей. И мы хотим, чтобы ты была с нами. Иди сюда, ко мне. – Он притягивал жену к себе на колени, мягко вынимал из рук пульт и нажимал на кнопку.

Телевизор был в квартире единственной вещью, с присутствием которой Вадим мирился исключительно в силу соответствия интерьера исторической эпохе. Правда, время от времени он приносил диски с фильмами и устраивал домашний кинотеатр. Это делало телевизор в его глазах не до конца бесполезным, поэтому плазменная плита всё ещё занимала место в доме.

Изредка, пока Вадим был на работе, а Андрейка капризничал, Санька перебиралась в зал. Под бормотание телевизора ребёнок как-то вдруг успокаивался и задрёмывал. И хотя действие достигало нужного эффекта, Саньке всегда становилось не по себе. Она чувствовала себя немного предательницей. Будто в её душе, прозрачной и открытой Вадиму, как речной песок на мелководье в солнечный день, вдруг появлялся тёмный острый камешек.

Обычно вороватое Санькино общение с телевизором ограничивалось двадцатью минутами равнодушного переключения каналов. Но сегодня она впилась глазами в картинку и даже добавила звук.

На экране сверкал карнавал.

Тот самый, бразильский, который раньше казался ей чересчур громким, цветастым и даже где-то вульгарным в сравнении с венецианским, обрушился на неё всем своим хищным великолепием. От шоколадных танцовщиц, выступающих по самбодрому в ослепительных конструкциях из перьев, стразов и позолоты, в комнату дохнуло жаркой бразильской ночью.

И Саньке показалось, что её лицо опалило этим жаром.

– Папа, я должна знать о карнавалах всё! – двенадцатилетняя Санька ворвалась в мастерскую и запрыгала возле отца, сияя глазами.

– Нашла?

– Нашла-нашла-нашла!

Она ухватилась за отцовский локоть и затрясла его изо всех сил.

– Санька, стой! Подожди секунду!

Отец отложил сиреневый мелок в коробку, вытер пальцы о тряпку и повернулся к дочери:

– Ну, вот теперь давай, я готов!

Санька повисла у него на шее:

– Карнавалы, пап, ты понимаешь?.. Меня как ударило... Вот оно!

Спустя какое-то время они сидели на диване, и Санька в подробностях рассказывала. Как она пошла к Лерке Силкиной, потому что завтра зачёт, а вопросы она потеряла. Как Леркина мама устроила большую весеннюю уборку. Как они уронили со шкафа коробку с искусственной ёлкой, а Леркина мама подумала, что кто-то из них упал со стремянки. Как у коробки оторвалось дно, и вместе с пластмассовыми еловыми ветками (фу, гадость!) вывалилось несколько новогодних масок.

– Понимаешь, пап, я стала их складывать в коробку, а они совсем старые, а одна – такая затёртая, и я подумала, что её нужно заново раскрасить, а потом подумала, как здорово нарисовать маску или даже целый костюм, как на карнавале. И тут до меня дошло... Понимаешь? Карнавалы! Пап, они же разные бывают, да? В Бразилии есть, да? А ещё где? Пап, я хочу знать про них всё!

– Да, конечно, всё узнаешь... Санька, я так рад! Своя тема! Я же говорил, говорил, что найдёшь! Просто придёт время... Мы должны рассказать маме.

И они, обгоняя и дурашливо отпихивая друга друга, побежали на кухню.

– Санька, мы с мамой поздравляем тебя с таким знаменательным событием в жизни художника, как нахождение своей темы. Возможно, это определит твою творческую судьбу. Но теперь, когда тема найдена, ты должна будешь много, очень много работать. Ты это понимаешь?

Отец произносил торжественную речь за кухонным столом, который в честь праздника был накрыт льняной бабушкиной скатертью, а посреди стола в тонком керамическом кувшине стояли фиолетовые ирисы. От сочетания жёлтой скатерти и фиолетовых цветов Санька с отцом пришли в восторг и долго упрашивали Надежду не портить красоту.

– Мама, мы и на полу поедим, – кричала Санька, – а на стол просто смотреть будем!

– Ну уж нет! Праздник так праздник! – сказала Надежда твёрдо.

И теперь на столе красовались ещё наполненные тарелки и кружки, оставшиеся от трёх разных сервизов, и это добавляло пестроты и радости глазу. Здесь редко обращали внимание на то, что лежало в тарелке. А сама тарелка больше интересовала как возможная составляющая натюрморта.

– Художники, что с них взять, – вздыхала Надежда, стараясь придать словам страдательные интонации. Но получалось плохо, потому что в голосе неизменно звучала гордость.

– Заканчивай поскорее школьные дела и приступай к работе. У тебя впереди целые каникулы. Время нужно потратить с пользой. Завтра сделаю запрос в библиотеке, чтобы нам подобрали книги. Эх, в Сети бы покопать... Надюша, мы должны подключиться к Интернету. Я понимаю, что дорого, но ребёнку нужна информация...

И родители погрузились в обсуждение вечного, не теряющего остроты вопроса: «Где найти деньги?», а Санька сбежала из-за стола в мастерскую. Помечтать.

– Паша, ты слишком давишь на неё. У девочек каникулы, она должна отдохнуть, а ты – «работать, работать».

Надежда мыла посуду, а Павел расслабленно сидел за столом и вертел в длинных пальцах бледно-голубую салфетку.

– Надюша, пойми, это не прихоть отца-самодура, это необходимость. Санька талантлива, очень талантлива. Это не потому, что она наша дочь. Я профессионал, я вижу. Но ей нужно работать, много работать. Ей самой это нужно, понимаешь? Чтобы чувствовать себя счастливой. Поверь мне, я знаю, что говорю. Она ведь мучилась, я видел, она мучилась, пока не нашла. И я ничем не мог ей помочь. Только дать время. Она сама должна была понять, что ей нужно, что интересно... А какая тема! Надюш, это же просто клад, а не тема! Столько возможностей, столько идей! Молодец, Санька!

Радостное возбуждение не покидало Павла, и Надежда в очередной раз поразилась, насколько отец и дочь похожи.

– Лизу я уже упустил. Ты помнишь, как она рисовала в детстве? А сейчас... Да что говорить...

– Паш, ну зачем ты так! Лиза у нас умница, институт окончила, внука нам родила...

– Всё так, Надюша, всё так! Кто же спорит, и умница, и красавица... Только вот инженеров этих вокруг сколько? Сотни, тысячи? Да и вернётся ли она на работу, ещё вопрос. По-моему, Олега всё устраивает: жена дома, с ребёнком, пироги печёт, чего ещё надо?

– Ты не прав, Паша! Дочь счастлива, довольна жизнью, а ты ворчишь!

– Надюша, мне кажется, она что-то потеряла в себе, и в этом виноват я! Слишком молод был, слишком занят собой. И она закрылась, ушла. Не чувствую я её, Надюш. Знаю, что любит. И я её люблю. А не чувствую! И потому боюсь теперь и Саньку упустить. Она для меня сейчас – как открытая ладошка: всю вижу!

– Да уж, папина дочка!

Санька была поздним ребёнком. К моменту её рождения пятнадцатилетняя Лиза жила своими интересами, и Павел со всем пылом вновь обретенного отцовства взялся за воспитание младшей дочери. Надежда посмеивалась, глядя на их измазанные краской довольные лица, и не вмешивалась.

Признав когда-то за Павлом статус Большого Художника, она раз и навсегда добровольно взвалила на плечи обязанности хозяйки дома, а когда появилась Лиза, все заботы о её воспитании. Девочка росла умной, здоровой и обычной. Надежда, в отличие от Павла, смотрела на дочь более трезвым взглядом и любила в ней ещё и эту обычность. И пока Павел метался в поисках нужного цвета, освещения и ракурса, пока догваривался о выставках и маялся над оформительскими заказами (жить-то на что-то надо даже Большим Художникам), две его женщины – большая и маленькая – тихо обитали в его тени, создавая вокруг мужа и отца бережную атмосферу благоговения и покоя.

В тринадцать лет Лиза бросила художественную школу.

– Лучше рисовать я уже не начну, мам! Потолок! Я же дочь художника, понимаю. Да и не хочу, если честно. Папа, конечно, расстроится, но что делать! Он ведь сам говорил, надо искать себя. Вот и буду искать.

Павел не просто расстроился – заболел. Он лежал на диване с температурой и смотрел на жену и дочь несчастными глазами, но Лиза была непреклонна. И Павел смирился, хотя в душе не переставал себя обвинять.

А через несколько дней уехал в Москву на Международную художественную выставку, посвящённую XII молодёжному фестивалю, и Лиза обрела долгожданную свободу.

С тех пор отец и дочь начали отдаляться. Они, как и прежде, были ласковы друг с другом, но каждый жил в своём измерении.

А потом родилась Санька, и Павел вдруг почувствовал, что получил второй шанс. Он расцвёл, даже как будто помолодел, и полностью завладел дочкиным вниманием. Надежда мудро отодвинулась на второй план. Материнская интуиция подсказывала, что так будет правильно. Что Санька другая, не такая, как Лиза. Что это единение душ необходимо не только дочке, но и Павлу, который в возрасте сорока двух лет, кажется, начал взрослеть.

* * *

Андрейка причмокнул губами, и Санька приложила его к груди, лишь на секунду оторвавшись от экрана.

По самбодрому двигалась бело-голубая платформа с гигантской куклой беременной женщины под серебристой накидкой. По бокам платформы также возлежали и восседали беременные. Их изображали живые люди с накладными пластиковыми животами, под прозрачными куполами которых помещались розовые тельца пластиковых же младенцев.

Восемь лет назад это зрелище показалось бы ей отвратительным. Слишком земно, слишком грубо, почти на грани. Тогда, в двенадцать, физиология была для неё только строчками учебника, а мысли парили над землёй невесомые и нежные, как маленькие пёрышки облаков в высоком летнем небе. Но сейчас, держа на руках засыпающего Андрейку, Санька просто улыбалась жизнерадостной фантазии бразильцев.

Как много изменилось за восемь лет!

В то лето Надежда со старшей дочерью и маленьким внуком Петей гостила в деревне у родни, оставив Саньку и Павла одних «на хозяйстве», как она говорила, почти на полтора месяца.

Отец и дочь, предоставленные сами себе, поднимались в половине восьмого, съедали по яйцу всмятку и шли в мастерскую. Павел вставал за мольберт, а Санька садилась у окна за чёрный письменный стол, который они перетащили из её комнаты. Рисовала, постепенно отодвигаясь по столу от горячих солнечных лучей.

Ближе к полудню, когда солнце захватывало и нагревало всю столешницу, Санька перемещалась на диван и читала принесённые отцом книги по истории европейских и латиноамериканских карнавалов, разглядывала иллюстрации и фотографии. Из всего карнавального многообразия её всё больше и больше притягивал венецианский карнавал. Строгий, изящный, таинственный, облачённый в плащи и маски, на фоне площади Святого Марка, при свете факелов, отражающихся дорожками в чёрной ночной воде.

К трём часам дня Санька спохватывалась и бежала на кухню, кидала в воду пять сосисок (три – отцу, две – себе) и возвращалась в мастерскую. Через полчаса, когда остатки выкипевшей воды шипели на дне кастрюли, Санька снова вбегала в кухню, шлёпала лопнувшие вываренные сосисочные тела на тарелку, доставала из холодильника майонез и нарезала батон. Под гудение закипающего чайника они с Павлом обедали, а после работали уже до вечера.

Часов в девять, точно две сомнамбулы, опустошённые до звона в голове, уходили на речку. По дороге молчали. Шли через сады, частью обработанные, частью брошенные хозяевами и уже зараставшие малинником и молодыми побегами клёна. Изредка отец останавливался и, махнув рукой куда-нибудь в угол сада поверх гривы хмеля, спускавшегося с деревянного забора, удивлённо восклицал:

– Гляди, Санька, какое интересное сочетание: нефритовый и оливковый!

– Ага! И ещё сбоку глубокий зелёный, – добавляла она.

Вынырнув из-под арки сплетённых вишнёвых веток, они попадали на берег и спускались к воде. Санька с визгом влетала в нагретую за день речку, ныряла и плыла к бревну, край которого, выбеленный солнцем, торчал метрах в семидесяти от берега. Павел входил в воду плавно, без остановок и где-то на середине пути догонял Саньку. Они покидали берег лёгкие и счастливые и неторопливо возвращались домой в тёплом свете заката.

Ужинали чаем с крекерами, горкой насыпанными в глубокую синюю тарелку с золотой полосой по волнистому краю. Готовить не хотелось совершенно. Кажется, Надежда перед отъездом даже записала для них несколько рецептов в тонкую тетрадку с большим жирным пятном на обложке, очертаниями напоминавшим Африку.

69

Санька положила тетрадь на холодильник, не заглянув в неё, и забыла на полтора месяца.

Только однажды, нарушая установившуюся традицию, на столе появилась клубника. Баба Женя со второго этажа, покровительница подъездных кошек, принесла эмалированный бидон крупной тёмно-красной ягоды с жёлтыми семечками, глубоко сидящими в душистой мякоти. Конечно, сначала зарисовали клубнику во всех возможных ракурсах, меняя фон и посуду. Потом ели её за ужином, уже измученную, впитавшую в себя запахи мастерской.

Перед сном обычно читали при свете ночников каждый в своей комнате, пока не засыпали.

В начале учебного года в выставочном зале художественной школы открылась персональная Санькина выставка. Павел сиял.

Огромный мохнатый муравьед с хитрыми полуприкрытыми глазками восседал на платформе в окружении веток диковинного растения. Прямо под выступающим козырьком длинного узкого носа животного билась в экстазе танца черноволосая и белозубая танцовщица в ореоле ярко-оранжевых перьев.

Карнавал шумел.

Санька потянулась к пульту, чтобы убавить звук, но передумала, осторожно поднялась с дивана и понесла заснувшего Андрейку в спальню. Она укрыла сына одеяльцем, провела пальцем по крошечному лобу, от тёмных волосков до переносицы, немного постояла, прислушиваясь к дыханию ребёнка, подняла с пола погремушку.

Снова стало зябко. Обхватив себя руками за плечи, Санька прошла в ванную. Ванная была сплошь чёрной от пола до потолка. Придя в дом впервые, Санька подивилась дизайну, а после перестала обращать внимание, раз Вадима всё устраивало. Белые махровые халаты на фоне чёрной стены казались пониженными привидениями. Санька накинула на себя один из них, запахнулась поглубже и вышла на кухню.

Белая кухня после чёрной ванной выглядела более ослепительной, чем всегда, и невыносимо холодной. Содержать её в чистоте удавалось с трудом, но Санька старалась. Она поставила чайник, сняла с полки чайную чашку из немецкого фарфорового сервиза. Чашка была, конечно же, белой и, по Санькиным меркам, чрезвычайно дорогой. Впрочем, ей нравилось смотреть на солнце через тонкие фарфоровые стенки, и тог-

да чашка приобретала тёплый розоватый оттенок. Но сегодня солнца не было.

И даже чай не согревал. Без Вадима белый цвет вдруг враждебно обступил со всех сторон, заставляя Саньку чувствовать себя маленькой, беспомощной и несчастной. Как когда-то, среди белых больничных стен, где умирал отец, почти сливаясь с этими стенами неестественной бледностью лица.

Саньке было четырнадцать. Она проколола уши и сделала короткую стрижку, которая нравилась ей до безумия.

Поначалу всё казалось совсем не страшным. Сентябрь выдался тёплым и ярким. Санька бегала в больницу два раза в день, приносила эту-ды и, как всегда, обрушивала на отца гору новостей: где была, что видела, с кем встретилась. Ей тогда нравился Виталька Чумнов, и они собирались в кино в ближайшее воскресенье. Была ли это та самая пресловутая первая любовь, Санька не знала, но что-то внутри сладко ёкало, когда Виталька встречал её у художки, и они шли домой дальней дорогой через запущенный городской парк, прокладывая ходы в ворохе жёлто-коричневых кленовых листьев. Сидя у Павла в ногах на неудобной больничной койке, Санька шёпотом пересказывала отцу свой день, и они улыбались друг другу, потому что были вместе.

А потом ему стало хуже. И вся жизнь вдруг сосредоточилась на маленьком кусочке белого пространства кровати, вместившего в себя худое тело Павла.

Его перевели в реанимацию, и теперь Надежда с Санькой и Лизой уже не видели его, а приходили в определённый час для встречи с врачом. Поначалу Надежда не хотела брать с собой Саньку, но та на слова матери только закусил губу и рванула с вешалки лёгкую куртку. Они заходили в больницу со стороны травмпункта и занимали своё место в небольшой молчаливой очереди у безликой двери врачебного кабинета.

Люди там стояли одни и те же. Маленькая старушка в вылинявшей кофте и аккуратном белом платочке. Коренастый мужчина средних лет и его взрослый сын, оба с небольшими бородками. Грозного вида дама, с крупным мясистым носом и низким голосом, и её муж, с виду ничем не выдающийся. Совсем молодая ещё пара, всё время держащаяся за руки. И, наконец, женщина в чёрном, приходившая одна. Возраст её

70

трудно было определить, настолько усталым, почти безжизненным казалось лицо.

А вот врачи менялись. С отстранённо-озабоченным видом появлялись они из дверей реанимационного отделения, как можно скорее старались пройти мимо подавшихся вперёд родственников тяжелобольных пациентов и скрывались за дверью кабинета. В его небольшом равнодушно-белом пространстве стояли только стол и несколько стульев. На столе – врачебные карты и наштатырь на всякий случай.

В первый день с Надеждой, Санькой и Лизой разговаривал пожилой усатый врач. Что-то было в его голосе утешающее и даже ободряющее, хотя он и не сказал ничего сверхобычного в таких случаях: «Состояние стабильно тяжёлое. Мы делаем всё возможное». Очень уж хотелось ему верить, и они вышли из кабинета почти успокоенные.

Молодой доктор в узких очках, с виду почти мальчик, сказал им на следующий день то же самое, но от его слов успокоение почему-то не наступило. Наоборот, Санька почувствовала, что где-то внутри неё нарастает и разливается по телу отчаяние. И скованные отчаяньем, они, с одревеневшими телами и лицами, вышли в коридор.

Санька позже старалась не вспоминать эти дни. Предчувствие надвигающегося горя, а потом и само горе как будто вставили в цветную киноленту её жизни чёрно-белые кадры. Чёрные угольные наброски на белых листах в мастерской, сделанные Павлом перед больницей. Чёрный письменный стол, к которому Санька, поняв, что не может работать, прислонилась щекой и застыла в приступе тоски. Белая высокая шапочка и чёрные густые брови докторши, сказавшей им то, что они больше всего боялись услышать. Чёрные буквы на белом листке официальной бумаги, в совокупности означавшие одно короткое слово: «Смерть». Чёрное платье матери и белые хризантемы, перевитые чёрной ленточкой на холмике каменистой кладбищенской земли.

Чёрное и белое глаз фиксировал чётко. Чёрно-белые столбики вёрст, по которым продолжала двигаться жизнь. Всё остальное было как будто затянута мутно-серой пеленой. Цвета исчезли. И это напугало Саньку больше всего.

* * *

Она сбежала из кухни, даже не вымыв чашку. Назад к цвету и веселью, из мучительных воспоминаний – к радости.

Карнавал буйствовал.

Нарезка из общих планов сменилась изображением трибун, которые не уступали в зрелищности самому шествию. Маски экзотических животных – обезьян, гепардов, бегемотов, напоминающие о предстоящем чемпионате мира по футболу в Южной Африке, перемежались на все лады растиражированным лицом недавно почившего в бозе короля поп-музыки. Повинуясь ритму, человеческое море на трибунах колыбалось и бурлило, казалось, совсем не обращая внимания на арену.

Пёстро. Слишком пёстро, как сказал бы Вадим.

Это были его первые слова полтора года назад, произнесённые над её ухом с удивлённой и чуть насмешливой интонацией.

Снова стоял сентябрь, и Санька ходила с мольбертом к зданию издательства. Не то случайно, не то по замыслу дизайнера-озеленителя деревья и кусты, посаженные по обе стороны от входа, не только образовывали небольшую аллею, полностью скрывая от взора два первых этажа краснокирпичного здания, но и являли собой всю палитру осенних красок, на которую способна природа средней полосы.

71

Санька ставила мольберт так, чтобы в центре композиции каждый раз оказывался новый объект. Сегодня была рябина. Посмеиваясь над простотой замысла, Санька тем не менее с головой погрузилась в работу. Это всегда приносило облегчение, это была приобретённая с годами привычка пережить сентябрь и справиться со страхом.

В те страшные недели после смерти Павла, чтобы не оставлять Надежду и Саньку одних, решили какое-то время пожить все вместе, и Лиза с Олегом поселились в Санькиной комнате, а Санька перебралась в мастерскую. Вернее, она оттуда и не уходила с момента похорон. Надежда с Лизой перенесли её вещи, Олег приладил какие-то полки возле двери. Поначалу её не трогали. Суета с переселением отвлекала от горя. Да и маленький Петя требовал внимания. К концу второго дня, уже в сумерках, Надежда, зашедшая в мастерскую с Санькиной кофтой в руках, машинально включила свет и вздрогнула. Санька сидела в углу дивана с белым лицом и расширенными от ужаса глазами. Надежда бросилась к дочери:

– Сашенька, что?.. Что с тобой?.. Тебе плохо, да?

– Я их не вижу... Мама, я их не вижу...

– Кого?

– Цвета! Я не различаю цвета... совсем... только чёрный, белый и серый... Всё вокруг серое, серое, серое!

Последние слова Санька уже кричала: у неё началась истерика. На крик сбежалась семья. Надежда с Лизой с двух сторон обнимали заходящую в рыдания девочку, а Олег вызвал скорую.

«Последствия шока, – объясняли врачи, – особенность психики. Пройдёт со временем. Ребёнок успокоится. Такое горе, что вы хотите. Отвлеките её чем-нибудь, займите».

Санька спала после укола, а Надежда, сидя у неё в ногах на диване, погрузилась в мучительные раздумья. Она так привыкла полагаться на Павла во всём, что касалось душевного состояния младшей дочери, что поначалу растерялась. И рванулась было в их с Павлом спальню, чтобы привычно спросить: «Что делать-то, Паш?» И снова опустилась на диван, в очередной раз придавленная осознанием потери. И всю эту длинную бессонную ночь, сотни раз оглядывая мастерскую, проплакала и проговорила с мужем, встретила рассвет с единственно верным решением, которое, она свято верила, ей подсказал Павел.

Олег с утра сбежал в киоск и принёс несколько чёрных гелевых ручек и маркеров. Когда Санька проснулась, мать положила перед ней альбом и сказала только одно слово:

– Работай.

И Санька работала. Две недели она почти не выходила из мастерской, с трудом отвлекаясь на Надежду, которая приносила какую-то еду и открывала форточки, чтобы проветрить комнату. Иногда немели пальцы, державшие ручку, и приходилось прерываться. И тогда организм, как будто очнувшись, гнал Саньку из мастерской, и она краем сознания вбирала в себя жизнь квартиры: Лиза затеяла стирку, мать возится на кухне, Петечка играет в прятки с Олегом. Всё это было рядом, за стенкой, и в то же время очень далеко, в мире, где когда-то жили краски. А в её мире теперь были только белые листы и чёрные рисунки на них: отец со смеющимися глазами, сидящий на больничной койке, лица людей в очереди у кабинета врача, Виталька Чумнов, уходящий один по осенней аллее. Когда кончалась ручка, Санька отбрасывала её и тянулась за другой. Так же, не глядя, она смахивала со

стола готовый рисунок, чтобы утвердить на его место чистый лист. Судьба законченных работ её не интересовала, важен был только процесс. Рисунки разлетались по мастерской, и Надежда собирала их в папку. Олег каждый вечер приносил домой несколько новых ручек. Надежда заметила, что они понравились Саньке больше маркеров. А Санька работала.

Однажды (вряд ли это было сделано намеренно, скорее Олег просто не заметил, когда купал) вместо чёрной ручки Санька начала рисовать синей.

– Чушь какая, синие листья, – сказала Санька сердито, отбросила ручку в сторону и подняла глаза.

В красном пластмассовом стакане стояло ещё несколько чёрных ручек, колпачки которых оказались как раз на уровне светло-зелёной обложки второго тома Урсулы ле Гуин. А выше, над стопкой книг, заглядывали в окно почти голые уже коричневые ветки клёна с редкими жёлтыми листьями, чуть закрученными на концах. А ещё выше над клёном спало высокое бледно-голубое небо.

* * *

72

Приступ больше не повторялся, но всё-таки каждый сентябрь, по мере приближения очередной годовщины смерти отца, Санька, как умела, загружала себя работой. Вот и теперь, будучи уже студенткой третьего курса того же института, который когда-то окончил Павел, она нашла себе занятие и в четвёртый раз стояла у издательства, радуясь многоцветью, возникавшему на листе и как будто охранявшему её от страшных мыслей.

– Как пёстро.

Санька обернулась. Довольно высокий мужчина, в тёмном костюме, улыбался ей, разглядывая попеременно то рисунок, то саму Саньку.

– А мне нравится, – сказала Санька и вдруг вспомнила. Именно этот мужчина водил их, тогда ещё первокурсников, по издательству и типографии, показывая, как функционирует система полиграфического производства.

А Наташка, соседка по комнате, толкнула Саньку в бок и, томно закатив глаза, довольно громко сказала:

– Ах, вот он – мужчина моей мечты!

Однокурсники вокруг засмеялись, и Наташка, обведя всех обиженным взглядом, красиво упала в обморок на руки Славки Клюева. Странно, если

бы не Наташкины кривлянья, Санька не стала бы так внимательно рассматривать «экскурсовода». «Обычное лицо, – привычным взором художника охватывая мужчину, думала Санька, – черты резковаты, взгляд жёсткий, но когда улыбается, глаза как будто теплеют. Пожалуй, как модель для наброска не особо интересен».

Всю экскурсию Наташка старательно вздыхала, а выйдя из типографии, тут же забыла о мужчине своей мечты, страстно включившись в обсуждение, в какую бы кафешку намылиться после занятий.

Санька, вспомнив об этом, заулыбалась.

– Не надоедает на одном и том же месте? Да не пугайтесь, вы стоите под моими окнами. Так что я смотрю на вас уже четвёртый день, – увидев Санькино замешательство, мужчина заулыбался ещё шире.

– Я не пугаюсь. Я знаю, что вы здесь работаете. Вы для нас два года назад экскурсию проводили. А место мне нравится: редкие цветовые сочетания. И потом, четыре дня – это четыре разных рисунка.

– Интересно взглянуть.

– Хотите, я завтра принесу папку? Я завтра ещё приду.

– Хочу. Приходите и приносите. Буду ждать вас у окна.

И мужчина протянул Саньке руку:

– Старыгин Вадим Антонович.

– А-а ... Александра, – Санька снова несколько растерялась, но потом тоже подала руку.

– Какое серьёзное имя. Слишком тяжеловесное. Вас должны звать как-то легче, нежнее. Сашенька, может быть? Или нет... Санька?

Санькой её называл отец. Всегда, с самого рождения. Она принимала и мягкое мамино «Сашенька», и язвительное Лизино «Шурочка», и официальное «Александра Павловна», но для себя была Санькой. Для себя и для отца.

«Как он угадал? – думала она о новом знакомом, лёжа ночью на узкой общежитской кровати. – Высокий. В костюме. Взрослый... Вадим. Короткое имя. Цельное. Ему подходит... Старыгин Вадим Антонович. Жёлтый, коричневый и белый. Хорошее сочетание...»

Мир взрослых людей в костюмах был настолько далёк от Саньки, что она даже не замечала их в толпе. Человек всегда из множества людей выделяет либо созвучных себе, либо зву-

чащих диссонансом. Остальные проходят серой массой на периферии сознания. Когда Санька приехала поступать из маленького промышленного Новозаводска в крупный региональный центр, количество мужчин в костюмах на улицах города её удивило. Но и только. Что-то было в них во всех такое, может быть, сосредоточенное и напряжённое выражение лиц, что делало их, вкуче с костюмами, лишёнными индивидуальности. И Санька очень быстро перестала обращать на них внимание, они были ей неинтересны.

И мимо Вадима она прошла бы так же равнодушно, если бы жизнь не столкнула их во второй раз.

Только теперь, полтора года спустя, сидя на диване перед мельтешащим телевизором, Санька вдруг осознала, как быстро, уверенно и властно Вадим взял в руки её жизнь.

Сначала они просто гуляли. Весь конец сентября и начало октября были тёплыми. Вадим оставлял машину недалеко от институтского общежития, забирал у Саньки папку с рисунками, и они шли к дендропарку, любимому пристанищу мамаш с колясками разных мастей и глубоко покилых супружеских пар.

От фонтана сворачивали налево и доходили до скамейки с чугунной узорчатой спинкой. Дорожка в этом месте делала поворот и заканчивалась, и скамейка была скрыта от глаз рядами голубых елей и кустами, названия которых Санька не помнила, но почему-то знала, что цветут они в начале лета. Вадим устраивался в левом углу скамьи, оставляя Саньке большую часть пространства, рассматривал рисунки, спрашивал. Санька рассказывала, увлекалась, забиралась с ногами на скамейку, размахивала руками и даже ненароком наваливалась Вадиму на плечо, указывая на какую-нибудь деталь, и совершенно не смущалась этим. Впервые за много лет у неё был собеседник, заинтересованный и в ней самой, и в том, что она считала главным – в её работе.

А работала Санька много. Со смерти отца она не переставала равнять по нему свою жизнь, и не работать было всё равно, что предать его память. Иногда со свойственной подросткам категоричностью Санька думала, что она единственная в семье, кто вспоминает Павла и тоскует о нём. Надежда была занята внуком: Петечку нужно было водить и встречать из школы, кормить, делать с ним уроки. Лиза какое-то время ходила по городу в поисках работы, правда,

73

делала это не очень активно и с явной неохотой, а потом объявила, что ждёт второго ребёнка, и вопрос о работе отпал сам собой. Олег был доволен. О том, что пожить вместе собирались временно, все как-то подзабыли. Места хватало, жили дружно, и Олег, в конце концов, сдал их с Лизой однокомнатную квартиру на долгий срок сослуживцу, который окончательно ушёл от жены и теперь намеревался заново устраивать личную жизнь.

Олег тут же заявил: ребёнок будет Павликом, и это не обсуждается. Надежда заплакала. А Саньке вдруг стало стыдно, что она так плохо думала о своей семье. И, скрывая смущение, она бросилась утешать мать. Через минуту ревели обе, а вокруг них суетился Олег, совершенно не представляя, как реагировать на столь бурное проявление то ли радости, то ли чего-то ещё.

Лиза родила мальчика. Жизни в доме прибавилось, и Санька не без удовольствия включилась в кутерьму с кормлениями, гуляниями и купаниями. И всё-таки, возвращаясь в мастерскую, она почти физически ощущала себя пустым аквариумом без дна. Прозрачной ненаполняемой пустотой. И чем невыносимее становилось ощущение бесконечно пустого пространства внутри, тем больше она желала его наполнить.

Рисунки и книги. Книги и рисунки. Она стала сосредоточенной и отрешённой. Сверстники её сторонились: слишком серьёзна. Она их не замечала: поверхностны и неразвиты. Преподаватели художки ею гордились и посылали работы на многочисленные конкурсы.

Виталька Чумнов ушёл в прошлое, и Санька вспоминала о его существовании только при встречах в школьных коридорах. А её пробудившую женственность, как летнюю ягоду, точно засунули в морозилку на неопределённое время.

В институте Санька немного оттаяла. И разнородная, но живущая одними интересами институтская компания, и шепотная Наташка, соседка по комнате, и начало самостоятельной жизни в большом городе вдали от дома – всё волновало и радовало, но аквариум был скорее пуст, чем полон. Более опытная в сердечных делах Наташка вытаскивала её с собой на вечеринки, учила знакомиться с мальчиками и флиртовать. Санька смущалась и отбивалась, как умела.

На втором курсе её поцеловал Славка Клюев. Они после выставки компанией завалились в клуб, сдвинули два стола и, насобирав денег, за-

казали коктейли. Наташка тут же ухватила за руку Макса Иванова, плотного однокурсника азиатской внешности, и умчалась на танцпол. Санька сидела за столом, задумчиво потягивая коктейль, и работала. То есть вспоминала только что увиденную выставку, оценивала отдельные картины, экспозицию в целом. Ей нравилось, подбирая слова, чётко оформлять свою точку зрения. Так когда-то учил отец.

– Ты – художник, – говорил он, – а значит, должна иметь своё мнение по поводу картин, спектаклей, фильмов, пусть даже оно отличается от мнения окружающих. И не мямли, говори внятно!

Начался «медляк», и кто-то дотронулся до её плеча. Санька подняла глаза: Славка Клюев, вечный раздолбай в драных джинсах и один из лучших студентов курса, приглашал на танец. Танцевать она не отказывалась, но и не выкладывалась до конца. Двигалась скорее механически, продолжая размышлять. Славка дышал над ухом, мягко уводил в сторону, оберегая от других танцующих пар, и всё сильнее прижимал Саньку к себе. А когда закончилась композиция, ткнулся губами куда-то вбок, в уголок Санькиных губ. И встретил такой недоумённый взгляд, что тут же смешался, пробормотал что-то невнятное и отвёл девушку на место. И весь вечер старался не встречаться с ней глазами.

А Санька отреагировала очень спокойно. Вернее, никак. На шуточки и подколки Наташки, от наблюдательного взора которой не укрылось сие знаменательное событие, она только пожимала плечами. А через несколько дней Славка всё так же сидел рядом в аудитории, занимал для всех очередь в столовке и радостно утаскивал половину котлеты с Санькиной тарелки.

Ровесники были ровесниками, взрослые – взрослыми, а единственным мужчиной в жизни Саньки оставался отец.

Вадиму Антоновичу Старыгину шёл тридцать первый год. В издательстве он занимался производственными вопросами и активно двигался по служебной лестнице. Жил в недавно отремонтированной трёхкомнатной квартире, водил чёрный «лексус» и одевался в строгие костюмы, качество которых год от года становилось лучше, а бренд – известней.

Теперь, согласно личному жизненному плану, Вадиму нужно было найти спутницу жизни и мать

будущих детей. Его ровесницы к тому времени были уже глубоко замужними дамами, а некоторые и не один раз. Те же, кто до сих пор не вкусил прелестей брака, и «разведёнки» с детьми так жадно клацали зубами в его сторону, что Вадиму иной раз приходилось спасаться бегством, буквально выдирая из цепких женских лапок полы собственного итальянского пиджака. Роль жертвы его бесила, ему хотелось завоёвывать.

Приятель из среды «дорогих костюмов» представляли его своим младшим сёстрам. Девушки манерно скучали, капризно дули губки и собирались тратить своё драгоценное внимание исключительно на нефтяных магнатов.

Случайные знакомые в барах и клубах были очаровательны, грациозны и податливы. Вадим привозил их к себе, с удовольствием убеждал в своей мужской состоятельности и галантно отвозил по адресу, который разомлевшие от его объятий девушки произносили чуть слышным шёпотом. И не перезванивал. Он искал.

В тот сентябрьский день послеобеденное совещание затянулось. Обсуждалось развитие производства, введение в строй нового оборудования.

По всему выходило, что не удастся уложиться в сроки. Московские хозяева «нервничали» и в выражениях не стеснялись. Дирекция отстреливалась. Вадим подносил снаряды.

Из зала заседаний он вышел взмыленный, как питбуль после драки. Швырнул бумаги на стол в своём кабинете, чуть ослабил галстук, задержался у окна. Девочка снова была здесь. Уже четвёртый день она приходила в одно и то же время, ближе к концу рабочего дня, устанавливала мольберт и что-то сосредоточенно чиркала на листе, не обращая внимания на выходивших из здания людей. Вадим несколько раз порывался подойти после работы и посмотреть, что там малюет эта пигалица (лет тринадцать, не больше!), но всегда что-то мешало. И он вспоминал о девчонке только на следующий день, когда снова натыкался глазами на её яркую ветровку. И удивлялся: надо же, опять стоит.

Захотелось на воздух. Вадим вышел из здания и неторопливо направился к маленькой художнице. Она, погружённая в работу, никого не замечала, и он смог рассмотреть её внимательно. Она оказалась старше, чем он предполагал. Не девочка, а уже вполне оформившаяся девушка, среднего роста, стройная, но без болезненной худобы. Чистое лицо, никакой косметики, серо-зелёные глаза, тёмные волосы, свисающие рваны-

ми прядями. Одета девушка была как подросток, что поначалу и ввело Вадима в заблуждение: светлые голубые джинсы с лохматыми заплатками, оранжевая ветровка, усеянная изображениями ухмыляющихся кошачьих рож, небрежно зашнурованные кеды, с ядовито-зелёным шнурком на левой ноге и розовым – на правой.

Шнурки Вадима развеселили. Улыбаясь, он перешагнул бордюр, прошёлся по листьям, почти закрывшим пожухлую траву газона, остановился у девушки за спиной. С листа, на котором уже не осталось белого цвета, на Вадима брызнула осень: сочные жёлтые, алые, бордовые листья, освещённые вечерним, но ещё ярким солнцем, и оранжевые гроздья рябины с упругими, как будто выпуклыми, ягодками. Привычные глазу краски, сконцентрированные на ограниченном пространстве листа, ослепили, и Вадим на мгновение даже зажмурился. А когда открыл глаза, неожиданно для самого себя произнёс, имея в виду и девушку, и рисунок, и всё сразу:

– Как пёстро...

Они договорились встретиться завтра, и Вадим, всё ещё улыбаясь, зашагал к зданию. Он и сам не знал, зачем попросил её принести рисунок. Что-то в облике девушки не давало ему покоя, что-то неуловимо близкое было в ней, хотя Вадим мог поклясться, что раньше они не были знакомы. Смешно предполагать, что он запомнил её во время экскурсии. Сколько их уже было, этих экскурсий. И всё-таки по дороге в кабинет он настойчиво терзал память вопросом: «Откуда я её знаю?».

– Вадим Антонович, можно я сегодня пораньше уйду? У мамы день рождения.

– Да, Леночка, хорошо.

Ма-а-ма! Ну конечно! Застенчиво, беззащитно, доверчиво, снизу вверх...

Так сегодня смотрела на него эта смешная девочка.

Так всегда смотрела на Вадима его мама.

Отца Вадим не помнил. Где-то в том же городе, по тем же улицам ходил человек, давший ему жизнь, но Вадим никогда не думал об отце как о родном. Он вообще о нём не думал и только посмеивался над словами матери, что мальчику в детстве, наверное, нужна твёрдая рука.

Мама не умела быть твёрдой. Она и мамой-то быть не очень умела. Лучше всего у неё получалось быть маленькой испуганной девочкой.

75

Как они, двое маленьких детей, дожили до его восьми лет, оставалось загадкой. Но именно с этого возраста Вадим почувствовал себя более взрослым и самостоятельным, и роль главы семьи, до сего момента, похоже, так никому и не принадлежавшая, прочно закрепилась за ним.

Он закупал продукты, помнил про коммунальные платежи и носил обувь в ремонт, потому что на новую денег привычно не хватало. В их небольшой квартирке постоянно что-то отваливалось, рушилось и прорывалось. Он пропускал школу, чтобы дожидаться слесарей, и криво, как умел, вбивал в стенку гвозди.

Мама вела уроки музлитературы и преклонялась перед композиторами, с каждым из которых у неё были сложные личные взаимоотношения. Тот факт, что Бах и Моцарт, Чайковский и Прокофьев, и прочая, и прочая, давно умерли, её совершенно не смущал. Истории из жизни повелителей нот преподносились маленькому Вадиму вместо семейных преданий, а их портреты были знакомы ему, как другим детям – фотографии дальних и близких родственников из домашнего альбома. Мама, гордясь нелёгкой победой над собственным ханжеством, самоотверженно прощала своим любимцам и милые странности, и тяжкие пороки, говорить о которых вслух считалось дурным тоном. Так в семьях хранят от посторонних ушей секреты пьющей тёти Гали из Симферополя или троюродного брата Славика, отсидевшего по «нехорошей» статье.

– Главное – музыка, которую они писали! – восклицала мама, патетично вспыхивая румянцем в ответ на некоторые ехидные высказывания подросткового Вадима, и роняла на пол ложку.

В кастрюльке тут же фыркало и убегало нечто, притворявшееся супом. Вадим аккуратно усаживал маму на табуретку и вставал к плите. Уловка всегда срабатывала, позволяя превратить ужин в более или менее съедобный.

К восьмому классу Вадим уже хорошо представлял, какой он хочет видеть свою взрослую жизнь. Ничего сверхъестественного. Всего лишь то, что укладывалось в рамки нормы: достойная работа и полноценная семья. Он будет жить так, как считает правильным сам, думал он, выбирая, какой из двух заштопанных им же свитеров выглядит менее потрёпанным для школьной дискотеки.

И если красавица и умница жена с парочкой симпатичных детишек пребывали в весьма отдалённой перспективе, то о профессии стоило за-

думаться уже сейчас. Никаких особых склонностей к той или иной области Вадим в себе не наблюдал. Учился он хорошо и ровно по всем предметам. И будущую профессию он собирался искать вполне сознательно, но тут в дело вмешался случай.

В начале лета вместо бестолковой школьной отработки Вадим решил найти что-нибудь посерьёзней, на все каникулы и с зарплатой. Работа отыскалась недалеко от дома, в типографии бывшего регионального издательства. Пару лет назад, отправив на давно заслуженную пенсию предыдущего директора и удачно поймав момент, несколько предприимчивых молодых людей заручились поддержкой криминального авторитета Сенегала, выкупили издательство у государства и превратили в региональный филиал одного из крупнейших московских издательских домов.

Вадим оформился в отделе кадров, спустился со второго этажа, толкнул массивную деревянную дверь с тяжёлой литой ручкой и вышел из центрального здания. Газоны у входа недавно расширили, вырубили привычные глазу старые тополя и карагачи и высадили на их месте дрожжацие на лёгком летнем ветру тощие берёзки, рябины и декоративные яблоньки, а сами газоны засеяли респектабельного вида изумрудной английской травкой, говорившей миру: «Теперь всё по-новому!».

За травяной волной, на приколе бордюра, дремало несколько иномарок. Просто пройти мимо было выше его сил, и Вадим, медленно обогнув весь ряд, задержался у крайнего серебристого «мерседеса». Пока он, дыша через раз, разглядывал салон автомобиля сквозь боковые стёкла, из дверей издательства вышло четверо мужчин. Это были они, новые хозяева. Облачённые в светло-серые костюмы, небожители прошли по дорожке, небрежно захлопнули дверцы «тойот» и «мерсов» и укатили на запад, оставив за спиной пятнадцатилетнего подростка в застиранной футболке и кедах на босу ногу.

– Это стало началом большого пути, – усмехнулся потом Вадим, рассказывая Саньке, как он выбирал профессию. – Они меня поразили, эти четверо. Было в их лицах что-то такое... Они как будто говорили: «Мы сами – хозяева своей жизни!» Мне даже снится стало, как открывается дверь издательства, и выхожу я, весь такой в костюме. И иду по дорожке к своей машине. Прямо навязчивая идея. Главное, все наши собира-

лись кто в юристы, кто в экономисты, а меня как заклинило – иду в полиграфический.

И всё сложилось. Новые хозяева сохранили техникум при издательстве, и поступить в него можно было сразу после девятого класса. А техникум, в свою очередь, гарантировал трудоустройство, чем тогда, в нестабильные девяностые, могло похвастаться далеко не каждое учебное заведение. Вадим после занятий продолжал подрабатывать в типографии и к концу обучения превратился в опытного специалиста печатного производства. Ему действительно нравилось всё то, что в советских книжках называлось производственной романтикой – и шум станков, и запах типографской краски.

Вторым шагом на пути к цели стала армия. С детства лишённый отцовского общества, Вадим доверял в таких вопросах расхожим клише и был убеждён, что только армия сделает из него настоящего мужчину. Работники типографии, многим из которых он годился в сыновья, укрепляли его в этом мнении и охотно травили байки из своего армейского прошлого, которые Вадим слушал с жадным вниманием.

Самым сложным оказалось убедить маму в правильности такого шага. При слове «армия» глаза её наполнялись слезами, и, сдерживая рыдания, она начинала предлагать планы, соперничающие друг с другом в нелепости, по освобождению ребёнка от «всего этого ужаса». Отступить Вадим не собирался, но и оставить слабую, беспомощную маму одну не мог. И тогда в доме появилась «мамина подруга».

Бойкая и деловитая татарка Роза, новоиспечённая пенсионерка, жила в угловом подъезде. Она была бездетна и уже очень давно одинока. Ей, второй месяц маявшейся от пенсионного безделья, предложение Вадима пришлось по душе. Поначалу она, конечно, испугалась, когда во дворе её окликнул высокий, широкоплечий парень и попросил уделить ему внимание. Но спустя час они уже заканчивали обсуждать детали взаимовыгодной сделки. Роза получала уникальную возможность убить время, при этом сознавая благородную цель своей миссии, а также становилась счастливой обладательницей видеомagneтофона и десятка кассет с индийскими фильмами. У мамы Вадима, в свою очередь, появлялась подруга с неисчерпаемым запасом внимания и заботы, исподволь следящая за на-

строением, питанием и другими проявлениями жизни своей подопечной.

Уже вечером Роза позвонила в дверь их квартиры под каким-то незначительным предлогом, осталась на чай, любезно предложенный Вадимом, и после третьей чашки пригласила Милочку («можно, я буду вас так называть») посетить только что открывшийся торговый центр. Мама, как всегда, прежде чем согласиться, нашла глазами Вадима, и он кивнул ей как можно убедительнее.

Армия, опытный имиджмейкер, отсекала всё ненужное, оставив и выделив главное – власть и трезвый расчёт.

Двухгодичная инициация включила в себя и сексуальный опыт. В первый раз всё произошло неожиданно. Увольнительная заканчивалась. Парочка первогодков, с трудом нащупывая в темноте ступеньки, спустилась в полуподвальное помещение с претенциозным названием «Тайна Востока». При чём здесь Восток и какая у него тайна, Вадим так и не понял. Заведение было довольно обшарпанным и требовало ремонта. Бар и стойка по периметру с высокими стульчиками оставляли большую часть пространства для танцующих. Свет был приглушён, музыка перекрывала все допустимые пределы громкости и превращала голову в пустой гулкий колокол. Однако выбирать не приходилось. Болтаться по чужому заснеженному городу ещё два часа не хотелось совершенно. Но не в казарму же возвращаться раньше времени. Вадим разочарованно подумал, что ожидание, как обычно, острее самой свободы, но тело уже вбирало долгожданное тепло, а глаза скользили по движущимся в танце силуэтам, задерживаясь на особо выразительных выпуклостях женских фигур. Просто стоять и тарашиться было глупо. Вадим увидел, как Витёк Яховицкий, белообрый сосед с нижней койки, заворачивает рукава гимнастёрки на манер летней формы, последовал его примеру, и через несколько минут они уже двигались в толпе, подчиняя тело и разум пульсирующему ритму.

Минут через сорок взмокший в душном помещении Вадим готов был бежать на мороз, но благоразумие взяло верх: он вышел из основного зала и свернул по узкому коридорчику в сторону подсобных помещений. Музыка и здесь заглушала все остальные звуки, но ударные колотили в голову не так яростно, и откуда-то из-под дверей шла волна холодного свежего воздуха.

Коридорчик кончался закутком, заставленным стройматериалами и мешками с цементом. Закуток оказался обитаемым. Из-за мешков вдруг просочились две девицы и нетвёрдым шагом прошествовали мимо Вадима. Он проводил их взглядом и заинтересованно стал протискиваться между мешками и стенкой. Там оказалось достаточно места для нескольких рассохшихся стульев и ободранного диванчика, в углу которого сидела ещё одна девица. Света, проникавшего сюда из коридора, было недостаточно, чтобы хорошо её разглядеть, но Вадим смог заметить, что глаза девушки были прикрыты. Он наклонился к самому её лицу, уловив запах спиртного.

– Эй, тебе плохо? – спросил он громко, пытаясь перекричать музыку.

Девица что-то бормотнула в ответ, открыла глаза и вдруг неожиданно резко дёрнула его на себя.

Говорят, мужчины всегда помнят первую женщину. У Вадима в памяти остался только синтетический привкус земляничной помады на губах. Разрядка произошла слишком быстро, он почти ничего не успел почувствовать. Отвалился в сторону, дожидаясь, когда бешено колотящееся где-то под горлом сердце вернётся на своё место, привёл в порядок одежду. Девица снова отключилась. Вадим, суетливо оглядываясь на мешки, попытался одновременно натянуть на неё колготки и одёрнуть тесную джинсовую юбку. Получалось плохо, руки дрожали. Добившись, наконец, относительно приемлемого результата, ошеломлённый Вадим выбрался из закутка и отправился искать Витька. Пора было возвращаться в часть.

Первый опыт, несмотря на всю неоднозначность ситуации, тем не менее поселил в нём уверенность в обращении с противоположным полом, а навыки со временем были доведены до блеска.

В конечном итоге армия принесла ему две необходимые для успешной жизни составляющие: уважение мужчин и благосклонность женщин.

Качественный скачок в карьере произошёл в двадцать семь, когда его пригласили в центральное здание и предложили должность. К переходу из рабочего класса в управленцы Вадим готов был давно: опыт работы на производстве, диплом заочного отделения Московской академии печати, инициативность и амбиции.

Ему очертили круг обязанностей и предоставили кабинет.

Из окна кабинета были видны разросшиеся за эти годы деревья перед входом в издательство и дорожка между ними. Вадим долго стоял у окна, привыкая к ощущениям. Ликования не было. Было усталое удовлетворение от трудной, но честно заслуженной победы. И ещё – досада на мать, на её вечное недомогание, сводившее на нет всю радость.

Мама чахла. Именно это слово выплывало откуда-то из глубин памяти, когда Вадим смотрел на её прозрачные ручки и тонкую шейку в вороте домашнего халата, ставшего неожиданно широким. Мама худела, бледнела, слабела. Много лежала и почти перестала выходить на улицу. Она всё больше напоминала игрушку, у которой кончается завод.

– Что у тебя болит? – рассерженным голосом, чтобы не выдать растерянность, спрашивал Вадим.

– Ничего. Ничего не болит, правда, – смущённо и испуганно отвечала мама и слабо улыбалась.

И даже приход всегда шумной Розы не внесил должного оживления. Мама слушала подругу рассеянно, устало прикрывала глаза.

Умерла она тихо, во сне, всё с тем же выражением маленькой испуганной девочки на лице.

В новую квартиру Вадим переезжал уже один.

Издательство работало стабильно, зарплаты служащих росли. Теперь он был вполне обеспеченным человеком, хотя и далеко не богатым. Но мысль, что ему доступно многое, о чём раньше можно было только мечтать, становилась для Вадима привычной.

До совершенства оставалось всего несколько шагов. Стоило заняться деталями: ничего лишнего, пёстрого, разномастного – ни в облике, ни в жилище. Чистые линии, холодные цвета. Минимум вещей, говорящих о достатке хозяина. Ничего, что могло бы напомнить о безалаберном полунищем детстве.

Плюс отработанная, строго дозированная подача властности и обаяния и необходимая сумма знаний для общения с новыми приятелями.

Он выходил из издательства в компании таких же недёшево одетых мужчин, поддерживая трёп о футболе, автомобилях и киноновинках. Его собственная иномарка стояла пятой с краю в сверкающем ряду дорогих машин. В нескольких престижных клубах он был постоянным клиен-

том, а девушки легко соглашались на предложение прокатиться по ночному городу. Ему нравилось, повязывая галстук, видеть на лице в зеркале то самое выражение хозяина своей жизни.

Иногда, минуя клубы, он сразу ехал домой. После напряжённого рабочего дня чистая холодность стен успокаивала, умиротворяла. Однажды пришла мысль, что мама с её любовью к корбочкам, тесёмочкам и бантикам смотрелась бы в этой квартире инородным существом.

И всё-таки он скучал по ней, по её доверчивому и восхищённому взгляду. И значительная часть его жизни, посвящённая заботам о матери, теперь вдруг стала напоминать ещё одну пустую комнату в доме, которая кажется бесполезной, пока хозяева не найдут ей нового применения.

* * *

Если Санька затруднялась ответить на вопрос, когда Вадим стал для неё не просто знакомым, то сам он точно знал день, определивший его и её судьбу.

Они более или менее регулярно встречались уже больше месяца, чаще всего просиживая вечера на скамейке парка. Иногда, спасаясь от дождя, забегали в недорогое кафе или пиццерию. Вадим старался выбирать такие заведения, где Санька не чувствовала бы себя скованно.

Однозначно определить их отношения на тот момент было сложно: не любовь, но и не совсем дружба. Скорее, это походило на взаимозаполнение пустот.

Он уже многое знал о ней. Что ей скоро девятнадцать (его циничное, но пока ещё отстранённое хмыканье про себя – «уже можно!»). Что больше всего на свете она любит рисовать и папу (ещё одно хмыканье). Что папа умер в сентябре четыре года назад. Что в Новозаводске у неё остались мама, сестра и племянники. Что она увлечена карнавалами. Что разработала эскизы костюмов для спектакля Новозаводского молодёжного театра. Что обязательно съездит в Венецию. Что предпочитает сливочное мороженое с ягодным сиропом, но без орехов...

Он был опытен и мудр, она – открыта и доверчива.

Он, рассматривая рисунки, плавно переводил разговор от техники и манеры исполнения на её семью, учёбу, интересы. Она таяла от его внимания.

Он купался в подзабытом уже со смерти матери ощущении снисходительного покровитель-

ства. Она смотрела на него снизу вверх и улыбалась смущённо.

Его забавляла эта игра во Взрослого Дядю и Маленькую Девочку. А вот она, кажется, уже не играла.

Они зашли в торговый центр «Гранд», спасаясь от мелкого октябрьского дождя. Погода окончательно испортилась, и сидеть в парке уже не хотелось.

В кафетерии на третьем этаже было слишкомлюдно. Вадим остановился, выискивая глазами свободный столик, но Санька потянула его дальше, к недавно открытому в одном из павильонов кинотеатру.

– «Мадагаскар-два»? А был «Мадагаскар-один»?

– Ну, конечно, я ещё дома смотрела.

– А разве серьёзные девочки смотрят мультики?

– И не надо смеяться! Это очень интересно! У нас в художке даже спецкурс был по анимации.

– А-а, так ты смотришь мультфильмы исключительно с профессиональной точки зрения. И сюжет тебя совсем-совсем не интересует?

– Меня всё интересует. Мы идём?

Минут десять Вадим глядел на экран, честно стараясь вникнуть в происходящее. Но день на работе выдался хлопотный, да и погода не радовала, и он позволил себе усесться поудобней, чуть съехав по мягкому сиденью, и на несколько секунд закрыть глаза.

– Вадим, Вадим, сеанс закончился! – раздавалось над ухом, и Вадим почувствовал, как кто-то трясёт его за руку.

Несколько секунд он приходил в себя, сонно моргая глазами («так, экран, кинотеатр, Санька...») и соображая, что сполз по сиденью вбок и теперь его голова лежит на Санькином плече. Она отёрнула руку и поспешно отодвинулась от него. Вадим усмехнулся, потянулся и проснулся окончательно. Она уже вскочила и стояла около кресел, отвернувшись к экрану и сосредоточенно разглядывая титры.

Вадим тоже поднялся, он чувствовал себя отдохнувшим.

– И давно я уснул?

– Почти в самом начале.

– Спасибо, добрая девочка, что охраняла мой сон.

Они вышли из зала, и Вадим с удивлением обнаружил, что сам он считает ситуацию вполне естественной, а вот Санька сильно смущена. Не

огорчена, не рассержена, не нарочито обижена, как дали бы ему понять другие девушки, а именно смущена.

Над всем этим стоило подумать. А сейчас, пока он вёл её в кафе, задал дежурный вопрос о роли художника в компьютерной анимации и с удовольствием начал наблюдать, как девушка, увлекаясь рассказом, перестаёт краснеть и отводить взгляд.

Итак, он уснул практически на свидании, хотя они не называли так свои встречи, а Санька его не потревожила, не рассердилась и даже была смущена. Чем же она смущена? Очевидно, если брать во внимание её влюблённость в него (а в этом он отдавал себе отчёт), а также молодость и неопытность, смущена она его близостью. До сегодняшнего дня они никогда так близко не соприкасались друг с другом.

И что же чувствует он по этому поводу? Ну, пожалуй, он доволен: пробудить волнение в женщине, просто склонив голову на её плечо, чего-нибудь да стоит!

И ещё, ни с кем, кроме мамы, он не мог позволить себе быть настолько спокойным и расслабленным. С девочкой ему комфортно – что есть, то есть. Уснуть в её присутствии означало для Вадима высшую степень доверия. И с этого момента всё становилось очень серьёзно.

Поздно вечером Вадим (как это говорилось в любимых маминых романах) предался размышлениям.

Что мы имеем?

Она умна, и с ней не скучно.

Она привлекательна. А если убрать подростковые одёжки и сводить в приличную парикмахерскую, будет просто красавицей.

Он готов поспорить, что она невинна (боже, слово-то какое!) в отличие от многих своих ровесниц. И это скорее плюс, чем минус. Быть для неё первым, научить её искусству любви, привести к вершинам блаженства и тэ дэ, и тэ пэ. Короче, весь стандартный набор удовольствий для мужчины, который, уж поверьте, кое-что знает о сексе. И потом, как одноразовая любовница она не интересна, зато в перспективе...

Она довольно крепка и здорова на вид, а значит, можно надеяться на здоровых детей.

Она не корыстна, не требует дорогих подарков и, кажется, до сих пор не знает марки его машины.

Родственники её далеко, и потому всё внимание будет принадлежать только ему.

Она слишком увлечена работой и учёбой. Ну так ведь и он ещё не предъявил на неё своих прав.

Что ж, Вадим Антонович, похоже, вы нашли то, что искали! И впереди вас ждёт занятная игра с прогнозируемым выигрышем!

Действовать следовало аккуратно, но решительно. Необходимо превратить её влюблённость в зависимость. Он не торопил события, он мягко подталкивал их к логическому разрешению, поскольку для него самого всё уже было определено.

Они по-прежнему много гуляли, если позволяла погода, и всё чаще он брал её за руку, продолжая изображать из себя доброго взрослого друга. Она вздрагивала и терялась, но руку не вырывала.

Он помогал ей в кафе надеть куртку и несколько дольше, чем было необходимо, задерживал руки на её плечах.

Он подвозил её до общежития и подавал руку, когда она неловко выходила из машины. При этом вставал так близко от дверцы, что девушка, очутившись на улице, просто впечатывалась в него всем телом.

Теперь он больше говорил сам. Рассказывал ей о своей жизни с подробностями, которые доверяют только очень близким людям. Санька была потрясена. Он, такой взрослый, открывает ей душу и говорит, что больше никому не смог бы всего этого рассказать, что для него это важно. И смотрит так пристально. И у неё начинает кружиться голова.

Он...

Санька уже не помнила то время, когда Вадим казался ей обыкновенным и далёким. Она вращалась в него, наполнялась им до краёв. Два месяца назад они даже не были знакомы? Не может быть!

Каждую ночь перед сном она перебирала в памяти его слова, жесты, взгляды. «Я его...», – и не решалась произнести это. Слишком большое слово, слишком сильное. И хотелось немного продлить эту неопределённость и задержаться ещё на поверхности, прежде чем волна накроет с головой.

Вадим чувствовал, что пришло время для следующего шага: пора подарить девочке первый поцелуй.

Они шли к автомобильной стоянке через сквер после выставки в частной галерее

«Сириус-Арт». Был вечер, горели круглые жёлтые фонари, медленно падал снег, исчезая на блестящем в их свете асфальте.

«Антуражно!» – подумал Вадим и взял Саньку за руку.

Она, до этого объяснявшая особенности размещения полотен в относительно небольшом выставочном пространстве, сбилась с мысли. Какое-то время они шли молча. Наконец он остановился, развернул её к себе, положил руки на плечи. Санька смотрела на него снизу вверх, на лицо её ложились снежинки, мгновенно таяли и превращались в капельки. Он наклонился, едва касаясь, прошёлся губами по этим капелькам на лбу и на щеках, так же легко коснулся губ. Отстранился на мгновение, насладившись её одновременно испуганным и радостным взглядом, смеясь, притянул к себе и поцеловал уже по настоящему.

Да, игра доставляла ему гораздо большее удовольствие, чем можно было предположить вначале.

Так же молча, но уже обнявшись, они вышли из сквера и сели в машину. Слова будут сказаны позже, в своё время, а пока Вадим давал Саньке прийти в себя. И только у дверей общежития он снова притянул её к себе и поцеловал, подтверждая, что всё произошедшее – не случайность, и закрепляя, так сказать, эффект.

Теперь он обнимал и целовал её постоянно, при каждом удобном случае, не переходя, однако, границы девичьей стыдливости. Ему нравилось наблюдать, как она дрожит в ожидании его прикосновений, как старается теснее прижаться, как раз от разу становится смелее и позволяет ему всё более и более откровенные ласки.

Каким-то шестым чувством Вадим всегда знал момент, когда надо остановиться, чтобы осталось ощущение недосказанности, делавшее острее желание новой встречи. Иногда он звонил ей на мобильный, ссылаясь на неотложные дела и расчётливо пропадал на один-два дня. И тогда Санька вся превращалась в ожидание и нетерпение. Ей уже мало было просто знать, что он есть. С того самого дня в кинотеатре, когда они впервые были так близко и он, склонив голову на её плечо, ожёг дыханием её щеку, ей стало мучительно необходимо чувствовать его рядом.

Однажды он почти сорвался. Было воскресенье. Декабрь только что перевалил за середину,

и предновогодняя истерия набирала обороты. В пятницу, в конце рабочего дня, выяснилось, что типография запорола крупную партию календарей для трубной корпорации. И все выходные Вадим был занят, лично отслеживая производственный процесс.

Санька провела день на катке с однокурсниками и теперь ждала его на ступеньках ледового дворца. Наташка изображала «ту селёдку в красном костюме, которая думает, что умеет кататься на коньках». А Славка Клюев, надев на нос воображаемое пенсне и выпятив живот, уже пятый раз изрекал в её сторону всё более гнусавым голосом: «Ах, мадам, вы двигаетесь исключительно!». Наташка опускала глаза и бормотала: «Ну что вы, право, не стоит». Санька смеялась вовсю, не забывая поглядывать на подъезжающие машины. Увидев Вадима, она махнула друзьям рукой и сбежала со ступенек.

– Пока, до завтра! – крикнул ей вслед Славка.

И она, обернувшись, махнула ему ещё раз:

– Пока!

Вадим чувствовал себя уставшим и измотанным. Он видел, как она смеялась там, на ступеньках, лёгкая, свободная, радостная. Как её весело окликнул растрёпанный, похожий на тощего воробья, парнишка. И она так же радостно обернулась и что-то ответила ему. И Вадим, стоя в чёрном пальто у дорогой чёрной машины, вдруг показался себе старым, тяжёлым и скучным, как чугунный бюст Баха в маминой музыкальной школе. И разозлился на весь свет, на беспечных, не знающих жизни молокососов, покусившихся на то, что должно было принадлежать только ему.

Он заглушил двигатель где-то в глухом закутке между двумя заборами, выключил фары и вдавил её в сиденье властными поцелуями в губы и шею. Расстегнул куртку, рванул вверх тонкий свитер, обхватил руками грудь и намеревался уже спуститься ниже. Но Санька, привыкшая к его деликатной нежности и оглушённая сегодняшним напором, вдруг выдохнула со стоном, коротко и жалобно. Это его остановило. То, что могло произойти дальше, было равно насилию. А насилие в его планы не входило. Он с трудом взял себя в руки и, призвав на помощь весь запас выдержки, успокоил её лёгкими прикосновениями. А позже, высадив Саньку у общежития, погнал в ближайший приличный бар: ему сегодня нужна была женщина.

Он медленно, но верно готовил её к предстоящей близости, сознавая, что сдерживаться ему всё труднее. Но игра стоила того, чтобы довести её до конца, не изменяя правил. Главные слова ещё не сказаны. И прозвучать им предстоит в определённый день и час, подстегнув её желание принадлежать ему. Сделать это желание безоговорочным и неодолимым должна его длительная командировка. Планировалась она давно, но сейчас пришлось как нельзя кстати.

Санька расплакалась, узнав, что Новый год и её день рождения они проведут порознь. Вадим утешал: он приедет, и они будут вместе. И вкладывал в это «вместе» весьма глубокий смысл.

Строго говоря, командировка начиналась через неделю после Нового года, но Саньке об этом знать было не обязательно. А бороться с искушением банально уложить девушку в постель под бой курантов сподручнее было за пределами города. Праздники он провёл на турбазе, смиренно пережив все прелести корпоратива, а после – отправился с инспекцией по мелким типографиям, выкупленным издательством в нескольких городах региона.

За полчаса до Нового года Санька получила от него подарок. Юноша-рассылный принёс огромного игрушечного пса, белого и пушистого, и открытку с надписью: «Пусть он охраняет тебя в моё отсутствие. Не скучай. С Новым годом! Вадим». Праздник в общежитии отмечали шумно, изо всех сил стараясь забыть, что началась сессия и второго января – экзамены. Санька продержалась почти час и сбежала в комнату. Там её, спящую в обнимку с игрушечным псом, и обнаружил Наташка, когда под утро вернулась с вечеринки.

Сессия шла своим чередом. Санька сдавала экзамены. Вадим звонил вечерами, спрашивал про дела, сетовал на плохую связь.

В день рождения Санька начала ждать его звонка с самого утра. Уже позвонила мама, поздравила сама, потом передала телефон по очереди Лизе, Олегу, Пете и Павлику. Уже проорали в аудитории поздравления однокурсники. Уже суетилась вокруг Наташка, предлагая в честь дня рождения завалиться в какой-нибудь клуб, благо экзамен только послезавтра. А Вадим всё не звонил.

Стоя у окна в номере, он разглядывал маленькие аккуратные ёлочки на гостиничном газоне и приземистые треугольные фонари между ни-

ми. В очередной раз перевёл взгляд на часы. Восемь без десяти. Пожалуй, пора. Пять слов. Всего пять слов, самых нужных сейчас ей, с утра (он в этом уверен) изнывающей в ожидании его звонка.

И через несколько мгновений на тумбочке у неё над ухом пиликнул телефон, и она, взвизвись на постели, схватила его в руки и прочитала пять слов. Всего пять слов от него, сделавших её самой счастливой в мире: «С днём рождения. Люблю тебя».

Главное сказано, пора было возвращаться.

Санька сдала последний в сессии экзамен, кивнула Наташке, которая готовилась отвечать. Подружка скорчила зверскую физиономию в сторону преподавателя, и Санька, рассмеявшись, вышла из аудитории.

Вадим стоял на первом этаже напротив гардероба под вечно общипанным фикусом и смотрел на лестницу. Санька встретила с ним глазами, прерывисто вздохнула и медленно стала спускаться ему навстречу, чувствуя, как у неё подгибаются колени.

В общежитии в тот день она не ночевала.

* * *

– Бразильский карнавал!.. из года в год привлекает миллионы туристов!.. в последнее десятилетие количество россиян, приезжающих!.. полюбоваться зажигательной самбой, значительно выросло!..

Блондинистая журналистка продолжала что-то радостно выкрикивать с экрана, но Санька уже не слушала. Где-то там, за пределами квартиры, – целый мир: люди работают, учатся, веселятся, в Бразилию ездят, наконец. А она? Только и может, что смотреть на них по телевизору, да и то украдкой.

Санька почти разрешила себе разреветься, но тут хрюкнул и пополз по журнальному столику сотовый телефон, поставленный на режим вибрации.

«Вот, даже посмотреть уже не могу!» – возмутилась Санька, отключила звук телевизора и взяла телефон в руки.

– Привет. Как ты, малыш? Как Андрейка? – голос Вадима был совсем рядом.

– Всё хорошо. Спим, – Санька постаралась, чтобы прозвучало не слишком жалобно.

– Ну, молодцы. В общем, я доехал нормально. Сейчас буду занят. Вечером позвоню. Всё. Целую.

– И я тебя.

Санька отложила телефон и некоторое время бездумно смотрела на экран телевизора, перебирая в уме каждое слово, сказанное мужем. Потом включила звук.

Карнавал бесновался.

Сверкающие стразами и блестящими телами танцовщицы, египетские воины, человеки-пауки, индийские девушки в сари, придворные музыканты в напудренных завитых париках, инопланетяне, арестанты в полосатых робах, амазонки, бэтмены, гангстеры, пираты наплывали, оглушали, увлекали за собой в безумие искусственного веселья.

Заплакал Андрейка, и Санька, словно очнувшись, бросилась к кровати.

«Господи, ну какая Бразилия? – сердилась она уже на себя, меняя сыну подгузник. – А Вадим, а Андрейка? Не стыдно, а?»

«Ну, просто Вадим уехал, а я не знаю, как без него... Я не умею без него... Он всегда рядом», – оправдывалась она перед собой.

С момента их первой ночи Вадим действительно всегда был рядом, словно боялся даже на мгновение ослабить те нити, которыми он всё крепче привязывал её к себе.

События вселенской важности так стремительно сменяли друг друга, что в какой-то момент Санька перестала думать самостоятельно и только соглашалась с Вадимом по любому вопросу.

На следующее утро они подали заявление, и Вадим договорился, что их распишут через три недели.

– За три недели мы всё успеем: кольца, платье, ресторан, – говорил он, и Санька кивала.

– Сейчас заедем в общежитие, заберёшь вещи, и завтра мы уезжаем в Новозаводск. Я хочу познакомиться с будущими родственниками, – Санька опять кивала.

– Закрой окно плотнее, а то тебя продует по дороге, – и Санька послушно нащупывала рукой кнопку, не отводя от Вадима восхищённого взгляда.

За несколько дней в Новозаводске Вадим очаровал Надежду и Лизу, подружился с Петей и Павликом и даже сходил с Олегом на зимнюю рыбалку. Надежда, конечно, переживала: жених намного старше Саньки, она ещё совсем девочка. Но видя, какими глазами младшая дочь смотрит на своего Вадима, только качала головой и переглядывалась с Лизой. Та, в конце концов, не выдержала её маетного молчания и попробова-

ла завести с сестрой разговор о том, что семейная жизнь – очень серьёзный шаг для молодой девушки и что...

Санька даже не услышала. Все эти дни она находилась как будто в счастливом сияющем коконе, который открывался только для того, чтобы Вадим мог обнять её за плечи и одарить поцелуем.

После возвращения из Новозаводска Вадим сразу привёз её к себе.

– Никаких общежитий, – тоном, не терпящим возражений, сказал он. – Я хочу, чтобы ты была рядом. Ты нужна мне, – шептал он ей позже.

Санька и не пыталась возражать. Она вообще с трудом представляла, что сможет теперь жить вдали от него.

Наташка, согнав с насиженного места Славу Ключева, устраивалась рядом на лекциях, завистливо вздыхала и жаждала подробностей. Санька смущённо отмалчивалась. Она не понимала, как можно рассказать кому-то о том, что происходило с ней последние дни и ночи. Физическая сторона любви открылась ей неожиданно, вдруг. Как часто бывает с «книжными девочками», теоретически она знала, что любовь предполагает близкие отношения между мужчиной и женщиной, но не считала их самоценными. Вадим же обрушил на неё такую лавину ощущений, что мозг переставал справляться с информацией, получаемой и уже усваиваемой телом. Санька просыпалась среди ночи и лежала с открытыми глазами. Ей необходимо было осознать, что это она, Санька, сейчас в постели с мужчиной. И что мужчина – тот самый Вадим, в которого она влюбилась и до которого ей страшно было даже дотронуться.

Она быстро забеременела, и Вадим забрал её из института.

– Сейчас главное – твоё здоровье и наш ребёнок, – сказал он, и Санька, измученная приступами тошноты, только устало прикрыла глаза.

А когда недомогание постепенно отступило, она столкнулась с новыми для себя обязанностями жены и хозяйки дома.

С домашним хозяйством у Саньки не ладилось. Привыкшая к свободному обращению с вещами (в родительском доме самым дорогим считались картины и книги), она впадала в ступор от необходимости манипулировать предметами обстановки и гардероба, стоимость которых превышала допустимые в её представлении пределы. Санька боялась нечаянно поцарапать стены,

83

разбить чашку или ненароком прожечь дыру на рубашке Вадима. Страх делал её зажатой и неловкой, и, как следствие, стены повреждались, посуда билась, а рубашки отправлялись в мусорное ведро. Стирка и уборка, несмотря на обилие в доме бытовой техники, каждый раз превращались в тяжёлое испытание. Саньке всё время казалось, что пол недостаточно чистый, а простыни пахнут как-то не так, и что Вадим, конечно, это заметит. И даже если он ничего не скажет, она, Санька, понимает, что не может быть ему хорошей женой. И тогда она начинала плакать, чувствуя себя неуклюжей бестолочью.

Вечерами Вадим учил её готовить. В другой обстановке она научилась бы быстрее. Но рядом стоял он, великолепный и недостижимый, сияющее солнце её небосклона, и Санька обжигала пальцы, роняла на пол ложки и просыпала мимо кастрюли специи. Наконец она освоила несколько простых блюд, и Вадим стал приезжать домой обедать.

Теперь в каждое мгновение жизни – возилась ли она у плиты, прислушивалась ли к движению ребёнка в животе или смотрела принесённый Вадимом фильм – ей важно было знать, что муж спокоен, доволен, счастлив. Она вся жила в этом повороте головы на него и в подтверждении в его глазах: «Всё хорошо».

Рисовать она перестала.

И всё-таки странный сегодня был день. Ещё два часа назад моросил дождь и небо было серым и шершавым, как необработанный холст. А сейчас в окна смотрело солнце, небо поднялось и поглубело, о дожде напоминали только лужи и большие прозрачные капли, висящие на ветках.

«У меня всё хорошо», – сказала Санька, загнувшись в себе неясное беспокойство, и принялась собирать сына на прогулку.

Обычно гуляли в сквере за соседним домом.

– Здесь и от дороги далеко, и детская площадка есть, – сказал Вадим Саньке, когда выбирал для них это место.

И Санька, как всегда, кивнула.

Но сегодня ей вдруг захотелось чего-то нового. И она покатила коляску по направлению к набережной. Наверное, Вадим бы не одобрил, и она даже оглянулась несколько раз, как девочка, которой папа строго-настрого запретил уходить со двора. Но воздух был свежим, солнце ярким, и Санька даже прибавила шаг.

Андрейка не капризничал, но и не спал, мирно лежал и тарачился на всё, что попадалось ему на глаза из-под колясочного козырька: небо, кончики веток, ещё раз небо, фрагменты домов. Санька шла неторопливо, смотрела на весеннюю воду, пока не ставшую прозрачной, и раздумывала о том, почему вдруг так беспокойно сделалось на душе.

И дело даже не в том, что Вадим не рядом.

Что-то зацепил в ней сегодня карнавал, что-то поднял со дна такое, о чём Санька не вспоминала уже больше года. И пока она не разберётся в этом...

– Сашка!

– Сашка, это ты?

– Привет, мамочка!

Бывшие однокурсники набежали на неё шумной беспечной волной, заобнимали, закружили, забросали вопросами:

– Твой, да? Круто!

– Мальчик или девочка?

– И сколько?

– Четыре месяца? Вау!

– Ну, как ты сама, в целом?

– Когда возвращаешься?

И так же схлынули, оставив возле растормошённой Саньки Наташку и Славку Клюева.

– Са-ашка! Ты просто супер! Прямо леди! – Наташка, цокая языком, рассматривала подружку со всех сторон.

– Да ладно, Наташ, скажешь тоже! – засмущалась Санька и поспешила перевести разговор. – А вы все откуда?

– Да тут контора одна наши работы в офисе выставляет, для оживления интерьера. Вот ходили, прикидывали, – встрял Славка и дернул Саньку за рукав. – А ты, правда, когда возвращаешься?

– Не знаю, – Санька неопределённо пожала плечами и заулыбалась, вглядываясь в лица друзей. – Как же я соскучилась! Ну рассказывайте, как у вас?

– Ой, всё – супер! – затараторила Наташка. – Макс выиграл оформительский конкурс, летом едет в Питер. Говорит, ему повезло, что ты дома сидишь. Кстати, Сень Валерич тебя каждое занятие вспоминает.

– Да? Привет ему от меня передайте.

– Ага, передадим. А ко мне выдру одну подселили, первокурсницу, прикинь. В выходные едет в свою деревню, привозит жратвы на неделю и в крысу хомячит. Ну выдра! А Славка, дебил, штаны покрасил.

– Про штаны я и сам рассказать могу. А чё те не нравится? Прикольные штаны, – Клюев широко расставил ноги и задрал куртку, выставив наружу бледный тощий живот. Широченные штаны не падали со Славки каким-то чудом (похоже, он влезал в них, даже не расстёгивая) и были противного грязно-зелёного цвета в подтёках и разводах. – В ванне красил, – похвастался он. – Ванна теперь тоже зелёная. Мать уже мозг выела: оттирай да оттирай. А я чё, знаю, чем оттирать? Краска бельгийская вроде, упаковку я выбросил. Фиг поймёшь, чё они туда намешали!

Когда Санька отсмеялась, Наташка предложила:

– Сашк, а пошли с нами в «Беседку». Макс за конкурс проставляется. Они, наверно, уже заказали всё. Пошли, а? Посидим, ты хоть про себя расскажешь.

Кафе «Беседка» Саньке не нравилось из-за переизбытка пластикового плюща на стенах и хамоватых официантов, но сейчас ей страшно захотелось туда вместе со всеми. И она оглянулась, по привычке ища глазами Вадима, чтобы получить его согласие. И вспомнила, что Вадим далеко. И на мгновение растерялась.

Но тут в коляске ворохнулся Андрейка. Санька наклонилась к нему, поправила шапочку, а когда выпрямилась, увидела, что друзья всё ещё смотрят на неё, ожидая ответа. Неужели они и правда думают, что она потащит сына в душное шумное помещение?

– Нет, ребят, спасибо, конечно, но я не пойду. Нам домой пора. Андрейка скоро есть запросит.

– Ну и чё? – не сдавался Славка. – Давай вон в магазин зайдём, возьмём какое-нибудь питание детское. Ну а чё? – вскинулся он на Наташку, которая толкала его в бок локтем.

– Андрейка ещё маленький, – Санька снисходительно, как ребёнку, улыбнулась Славке, – я его грудью кормлю.

Славка как-то сразу поскучнел, и они быстро распрощались, договорившись чаще созваниваться.

– Вот так, Андрейка! Твоя мама уже взрослая и умеет принимать правильные решения! – сказала Санька, грустно глядя вслед уходящим друзьям. И добавила: – Сама.

Андрейка задремал на подходе к дому, и Санька, чтобы не тревожить, оставила сына до-

сыпать в коляске прямо в прихожей, осторожно расстегнув на нём уличную одежду. Потом взялась за пуговицы своего пальто, мельком взглянула на себя в зеркало и вздрогнула.

То, что она увидела в отражении, ей не понравилось. Совсем. Более того, она почти испугалась и поспешно оглянулась на сине-жёлтый Андрейкин комбинезон: ей вдруг показалось, что снова исчезли все цвета. Цвета были на месте. Санька облегчённо выдохнула и опять посмотрела в зеркало, уже пристальнее.

И встретила взгляд совершенно чужой молодой женщины.

«Это не я, – подумала Санька. – А где же я?»

Она медленно и настороженно оглядела незнакомку, выхватывая и узнавая отдельные детали: белое приталенное пальто с крупными чёрными пуговицами, сумасшедше дорогое (подарено Вадимом); чёрные классические брюки и тонкий чёрный свитер с горлом (одобрено Вадимом); волосы мягкими волнами ниже плеч (одобрено парикмахером Вадима). Всё вместе смотрелось красиво, правильно и безлико. Как карнавальный костюм, за которым не видно живого человека.

– Безликость – вот чего должен бояться каждый художник!

Одиннадцатилетняя Санька сидела на полу возле учительской, из-за дверей которой гремел взволнованный голос отца.

Павла в художке любили и уважали. Он был почётным гостем на всех торжественных мероприятиях и никогда не отказывал в просьбе провести мастер-класс. Обычно мягкий и доброжелательный, сегодня он был раздражён и резок. Речь шла о Санькиной выставке. И Павел был против. Категорически.

– Ваша дочь, Павел Сергеевич, лучшая ученица школы, и мы решили...

– Да поймите же, – перебил Павел завуча, – если бы вы захотели проиллюстрировать учебный план, показать разные техники и материалы, которые осваивают ваши ученики, всё было бы оправданно. Но ведь речь идёт о персональной выставке. Персональной. От слова «персона», то есть личность, индивидуальность. А вот этого в её работах нет. Пока нет. Вот когда она найдёт свою тему, обретёт своё лицо, тогда я буду обеими руками «за». А сейчас – извините!

– На тебе лежит двойная ответственность за свою жизнь, – говорил он Саньке уже по дороге домой, – как на человеке и как на художнике. Ответственность за выбор. Состоять при муже, при знаменитости, даже при родном ребёнке или прожить свою, пусть не очень яркую, но свою жизнь? Заполнять цветом пространство в детской раскраске или найти одну, но свою собственную линию, свой собственный штрих? Понимаешь? Люди вокруг, обстоятельства будут подталкивать тебя к тому или иному пути. Но выбирать будешь ты сама. А мы хороши, – усмехнулся он вдруг, – разошлись не на шутку: они решили, я перерешил! Ты-то что думаешь, Санька?

– Буду искать, пап.

– Помощь нужна?

– Сама.

* * *

«А вот теперь, папа, я бы не отказалась от твоей помощи. Столько вопросов сразу.

Например, откуда взялась вот эта чёрно-белая фигура? Странно, я ведь смотрела на это раньше и не видела. А что видела, если вспомнить? Вадима помню, как он кивает мне из-за плеча – помню, а себя – нет!

Скажи, что произошло с моей жизнью, если я даже в зеркале себя не узнаю?

И почему я поняла это только сегодня?

Какой длинный день!

И что теперь со всем этим делать?»

Вадим как чувствовал: нынешняя командировка добром не кончится. Документы к его приезду, как оказалось, были ещё не готовы, и вскоре стало ясно, что быстро разобраться с делами не удастся.

По пути в гостиницу Вадим раздумывал, как бы помягче сообщить Саньке, что задержится. Сегодня днём она почти плакала по телефону. Он понял это, хотя она и попыталась скрыть. Он вообще хорошо чувствовал всё, что с ней происходит, мог предугадать каждую её реакцию. Он знал свою девочку.

Набирая номер домашнего телефона, он заранее ожидал и даже где-то рассчитывал услышать её дрожащий, жалобный голос. Услышать – и утешить, в очередной раз убедив и её, и себя в собственной незаменимости.

Но сначала пошли гудки. Очень много гудков. Да что они там делают?

– Привет, – радостно, даже как-то восторженно отозвалась Санька. – А мы тут рисуем. Ну, вернее, я рисую, а Андрейка мне позирует. Слушай, у него здорово получается. Ты знаешь, что я придумала? Давай в нашей спальне, там же стены пустые, повесим его портрет. Я за эти дни, пока тебя нет, столько эскизов сделаю. А ты приедешь и выберешь. А потом можно добавлять портреты, он же растёт. Хорошая идея, правда?.. Вадим?.. Алло!.. Алло!.. Вадим, я тебя не слышу!.. Алло!..

Вадим молчал. Впервые за полтора года он не знал, что сказать в ответ.

